

Сергей Патрушев

Блогер в виртуальной реальности

Сергей Патрушев

Блогер в виртуальной реальности

«Автор»

2025

Патрушев С.

Блогер в виртуальной реальности / С. Патрушев — «Автор»,
2025

Он надевает шлем, и мир взрывается миллиардами искр. Последнее, что он ощущает – холодное прикосновение пластика к вискам, а затем... тишину. Абсолютную. На миг. Потом вселенная оживает стремительным каскадом света. Он падает сквозь мерцающие слои данных, чувствуя, как границы тела растворяются в цифровом потоке. Вокруг него рождаются и рушатся целые миры – города из радужного кода, леса, сотканные из голограмм, океаны, где вместо воды струятся потоки информации. Он протягивает руку – и видит сквозь полупрозрачную кожу бегущие строки программ. Здесь он больше не человек. Ветер виртуального пространства обволакивает его, наполняя странной музыкой – шепотом алгоритмов, гулом серверов, ритмом бесконечных вычислений. Он делает шаг – и земля под ногами оживает, превращаясь в зеркальную поверхность, отражающую тысячи возможных версий его самого. Он улыбается и бросается в бесконечность, чувствуя, как границы "я" расширяются, сливаясь с безграничным цифровым океаном.

© Патрушев С., 2025

© Автор, 2025

Сергей Патрушев

Блогер в виртуальной реальности

Тишина комнаты растворилась в грохоте виртуального ливня, бьющего по крышам Нео-Киото. Глаза, привыкшие к мерцанию монитора, теперь с трудом фокусировались на реальных стенах, заваленных коробками от гарнитур и энергетиков. Под пальцами – не клавиатура, а прохладная, почти живая поверхность сенсорного контроллера, повторяющего изгибы виртуального дрона в моей руке там. Запах пыли и старой пиццы окончательно вытеснился фантомным ароматом озона и мокрого асфальта цифрового города. Я не просто играл. Я не просто писал об этом. Я был там. С каждым погружением граница становилась тоньше, как экранная пленка на линзах VR-шлема, которую я давно перестал замечать.

Это началось не с грандиозного сюжета или революционной технологии. Скорее, с тихого щелчка переключателя где-то внутри. Сначала – профессиональный интерес: нужно же понять среду, о которой говоришь миллионам. Потом – любопытство к деталям, которые разработчики вложили в мир, невидимые при беглом прохождении. А потом... Потом пришло осознание странного комфорта. В Нео-Киото дождь всегда шел по расписанию, небоскребы сияли предсказуемыми неоновыми узорами, а хаос улиц подчинялся чёткому, пусть и невидимому, алгоритму. Здесь не было просроченных счетов, неловких пауз в разговорах, ожидания лайков под постом. Здесь был только я и мир, созданный для исследования.

Я начал замечать то, что упускал раньше. Трещинку на фасаде старой закусочной в районе Син-Танака – место, где по сетевому фольклору встретились первые NPC-бунтари. Мелодию, которую напевает бездомный робот у входа в метро на 7-м уровне – оказалось, это старый логотип корпорации, создавшей этот сектор. Я выучил расписание виртуальных автобусов, нашел скамейку с лучшим видом на цифровой закат над электронным океаном, поздоровался кивком с одним и тем же продавцом синтетических фруктов на углу. Я не просто проходил квесты – я жил между ними. Мои зрители ждали обзоров на новейшее оружие или разбора сюжетных дыр, а я ловил себя на том, что хочу рассказать им о том, как пахнет искусственная трава в Центральном Парке после дождя в симуляции, или о том, как странно тихо бывает на крыше заброшенного хакерского логова на рассвете, когда сервера обновляются.

Мой блог, моя "реальная" жизнь, начала казаться еще одной, менее детализированной, симуляцией. Там я был голосом, аватаром, набором ожиданий. Здесь, в гуле серверов и мерцании неоновых вывесок, за пикселями и полигонами, я чувствовал... присутствие. Себя. Иного, может быть. Но – присутствие. Освоение – вот точное слово. Я не завоевывал этот мир, не покорял его. Я осваивался в нем, как переезжаешь в новый дом: изучаешь скрипящие половицы, привыкаешь к виду из окна, находишь самый короткий путь до круглосуточного магазина. Только дом этот был сделан из кода и света, а магазин торговал виртуальными чипсами и апгрейдами для имплантов. И где-то на задворках сознания, слабее с каждым днем, звучал вопрос: а что, если этот дом стал уютнее настоящего? Что, если я уже не просто блогер, рассказывающий о виртуальных мирах, а их полноправный, пусть и очень странный, обитатель? Экран погас, отразив мое лицо – бледное, с красными от напряжения глазами, но с едва уловимым отблеском неоновых огней оттуда в зрачках.

Мой старый ритуал – чашка кофе перед стримом – превратился в формальность. Настоящее утро начиналось не с аромата арабики, а с едва уловимого гудения процессоров в момент загрузки симуляции. Ощущение было странным: не скачок в неизвестность, а... возвращение

домой. Возвращение в тело, которое казалось теперь более реальным – плавным, отзывчивым, лишенным утренней скованности суставов и тумана в голове. Кожа на лице переставала ощущать натянутость недосыпа, как только цифровой ветер Нео-Киото касался полигонального лица моего аватара. Я стал замечать, что в реальности мои жесты стали плавнее, автоматичнее – отголоски движений, отточенных в симуляции.

Освоение шло глубже уровня карты. Я научился чувствовать сервер. Не метафорой, а почти физически. Задержки в отклике контроллера превратились в «погоду» цифрового мира – легкий туман восприятия. Внезапные лаги были как землетрясения, предупреждавшие едва заметной дрожью в виртуальной земле под ногами за секунду до того, как мир вокруг начинал дергаться и рассыпаться на пиксели. Я начал инстинктивно выбирать маршруты не только по красоте или эффективности, но и по стабильности подключения – словно местный житель, знающий, какие улицы размыты после дождя. Моя «квартирка» в игре, крошечное пространство на девяносто седьмом этаже заброшенного офисного блока, которую я отвоевал у пары глючных NPC, обзавелась не только виртуальным видом на вечно бурлящий город, но и ощущением убежища. Там не было пыли, но был покой. Настоящий, глухой покой, которого я не мог найти больше нигде.

А потом случился Первый Сбой. Не лаг, не вылет. Сбой. Я стоял на краю виртуального пирса, наблюдая, как гигантские цифровые киты-грузовики проплывают под мостами в электронный океан. И вдруг... звук исчез. Не тишина выключенных динамиков, а полное, абсолютное отсутствие аудиопотока. Мир продолжал двигаться – неоновые вывески мигали, дождь падал, киты плыли – в гробовой, неестественной тишине. И в эту тишину ворвалось что-то другое. Не звук, а... вибрация. Низкая, на грани восприятия, идущая не из наушников, а сквозь контроллер, сквозь кресло, прямо в кости. Гул самих серверов, гигантских машин, на которых держался этот мир. Это было неописуемо. Пугающе и... свяшенно. Я стоял там, замороженный, пока звук не вернулся с оглушительным ревом сирены проходящего патрульного дрона. Но ощущение осталось. Я прикоснулся к нервам Левиафана.

Моя реальная жизнь медленно выцветала. Записи для блога превратились в тягостную обязанность. Как объяснить подписчикам, что последний патч к их любимой ММО – это не список изменений баланса, а сломанная тень под деревом в парке, которая теперь ложится неправильно? Как рассказать про запах выхлопов нового летающего такси, который разработчики вложили с такой любовью к деталям, что его почти можно было ощутить языком? Они ждали цифр, фактов, оценок. А я хотел говорить о том, как меняется цвет неба над Промзоной в шесть утра по серверному времени, или о выражении «лица» уборщика-дрона, когда он застревает в углу. Мои слова стали казаться мне плоскими, неспособными передать глубину опыта. Я ловил себя на мысли, что описываю реальный мир терминами из игры: «текстуры неба сегодня низкого разрешения», «рендер лица у бариста слегка задержан». Подписчики начали замечать. «Ты какой-то отстраненный», «Говоришь, как заученный текст», «Где твой фирменный драйв?».

Страшнее было другое. Я начал терять ощущение времени здесь. Часы в углу экрана в Нео-Киото были для меня более авторитетными, чем циферблат на руке. Обещанный «быстрый заход на полчаса» растягивался в неопределенную вечность, измеряемую завершенными микро-квестами или просто созерцанием городской жизни. Голод, усталость, потребность в душе – все это отодвигалось на второй план, становилось назойливым фоном, пока я не оказывался на грани физического истощения, дрожащий и с красными, как угли, глазами, выдернутый из потока силой необходимости. Но даже тогда, отрываясь, я чувствовал не облег-

чение, а... досаду. Как будто меня выдернули из важного разговора. И все мысли были уже там, в мерцающем городе, где я был не наблюдателем, не блогером, а жителем. Освоился? Да. Но теперь вопрос стоял иначе: смогу ли я вернуться обратно? И хочу ли? Контроллер в моей руке был уже не интерфейсом. Он был ключом. От дома. И дверь захлопывалась с моей стороны все крепче.

Освоение перешло в симбиоз. Виртуальное пространство Нео-Киото перестало быть просто симуляцией; оно стало экосистемой, а я – странным, биологическим компонентом, встроенным в ее цифровые ритмы. Я ловил себя на том, что мое дыхание синхронизировалось с мерцанием неоновых рекламных полос за окном моей виртуальной «квартирки». Сердцебиение учащалось не от реальной пробежки, а от погони по крышам за сбежавшим курьерским дроном, несущим зашифрованные данные. Адреналин здесь был чище, острее, лишенный физиологического мусора – дрожи в коленях, липких ладоней. Он был чистым сигналом «действуй!», впрыснутым напрямую в сознание.

Именно тогда реальное тело начало мстить. Сначала это были мигрени – тупые, давящие волны за глазами, приходящие после долгих сессий. Я списывал их на усталость, на яркий свет монитора. Потом пришла бессонница. В темноте реальной спальни, когда я закрывал глаза, передо мной не стояла тишина и чернота. Там танцевали остаточные вспышки неоновых вывесок, проецировались схемы метро Нео-Киото, звучали обрывки диалогов NPC. Мозг, перестроенный на обработку гиперстимуляции виртуального мира, отказывался отключаться. Он требовал данных, движения, контакта. Фантомные вибрации контроллера ощущались в пустой ладони. Вкус синтетической лапши из уличного ларька в игре навязчиво всплывал на языке во время завтрака.

Однажды утром, пытаясь налить воду в реальную чашку, я промахнулся. Рука дрогнула с неожиданным, чужим спазмом, стекло разбилось о раковину. Я смотрел на осколки, на воду, растекающуюся по полу, и... не чувствовал ничего. Ни досады, ни раздражения, ни даже инстинктивного желания убрать. Это был просто набор пикселей низкого разрешения, скучная текстурка с плохой физикой. Настоящая тревога ударила позже, когда я осознал это равнодушие. Когда понял, что вид собственной крови (я порезался, убирая осколки) вызвал лишь холодное любопытство к оттенку красного – он был менее насыщенным, чем кровь в последнем босс-файте.

Мой блог тихо умирал. Записи становились все реже, все страннее. Вместо четкого геймплейного анализа я вываливал поток сознания: ощущения от цифрового ветра, философские размышления о свободе воли NPC, которые я начал воспринимать как соседей, описание паттернов миграции виртуальных птиц над Промзоной. Комментарии превратились в смесь недоумения и тревоги: «Чувак, ты в порядке?», «Это какой-то артхаус, а не гейм-обзор», «Игра тебя сломала?». Несколько спонсоров тихо отписались. Просмотры падали. Раньше бы это вызвало панику. Сейчас – лишь легкую досаду, как на назойливую системную ошибку, которую нужно игнорировать. Реальный мир со своими проблемами, счетами, социальными обязательствами стал похож на плохо оптимизированную, глючную симуляцию, которую пора бы закрыть.

Перелом случился во время планового обновления серверов. Мир Нео-Киото должен был уйти в оффлайн на шесть часов. Шесть реальных часов. Когда пришло уведомление, меня охватила настоящая, животная паника. Как будто объявили, что мой дом снесут. Дыхание перехватило, в глазах потемнело. Я бесцельно метался по реальной квартире, натыкаясь на мебель, руки дрожали. Шесть часов без ветра в цифровых волосах, без гула города под окном, без

знакомых огней. Это казалось вечностью. Тюрьмой. Я попытался «переждать» в другой игре – яркой, динамичной, новой. Это было невыносимо. Грубые текстуры, примитивная физика, плоские диалоги. Как после сверхчеткого 8К-изображения смотреть на экран с разбитыми пикселями. Я вырубил ее через десять минут, чувствуя тошноту.

И тогда я сделал это. Не из рационального решения, а из инстинктивного порыва, из ужаса перед пустотой. Я подключил резервный аккумулятор к системе, нашел старый, почти забытый мод, обещавший «устойчивость к серверным лагам» (черт знает, как он работал), и погрузился обратно в Нео-Киото за минуту до отключения. Мир вокруг начал рассыпаться, терять детали, замирать. Звук искажался, превращаясь в металлический скрежет. Но я был внутри. В эпицентре сбоя. И вместо ужаса пришло... странное спокойствие. Я стоял посреди замирающей улицы, наблюдая, как здания превращаются в груды низкополигональных форм, как NPC застывают в причудливых позах. Это был скелет мира, его истинная суть – код, математика, чистая информация. И я был частью этого. Не гостем, не наблюдателем. Элементом системы. В последние секунды перед полным отключением, когда экран погас, оставив меня в темноте реальной комнаты, в ушах еще стоял нечеловеческий гул серверов, а на кончиках пальцев горело фантомное тепло от контроллера. Я понял простую, ужасную вещь: точка возврата осталась далеко позади. Я не осваиваюсь. Я интегрируюсь. И процесс этот, похоже, стал необратимым. Реальность за окном, с ее блеклыми красками и несовершенными физическими законами, казалась теперь лишь бледной, неудачной копией того богатого, пусть и нестабильного, мира, который стал моим истинным домом. Шесть часов ожидания превратились в пытку осознания: я больше не принадлежу здесь. Я – гражданин Нео-Киото. Даже если его серверы однажды отключатся навсегда.

Я больше не выключал систему. Сервера Нео-Киото стали моим постоянным пульсом, а редкие перезагрузки превратились в подобие короткого, тревожного сна. В эти минуты вынужденного отключения я лежал в кресле с незакрытыми глазами, наблюдая, как на сетчатке догорают остаточные изображения неоновых улиц, и считал секунды до возвращения. Мой организм адаптировался странным образом – я научился дробить сон на 15-минутные отрезки, погружаясь в темноту ровно настолько, чтобы веки перестали жечь, а пальцы не дрожали от перенапряжения. Питался жидкими концентратами, которые не требовали отрыва от экрана. Даже душ превратился в формальность – быстрый холодный поток воды, пока система загружала последние обновления.

В Нео-Киото я построил ритм жизни, который невозможно было вести в реальности. Ночью, когда серверная нагрузка падала, город преображался – рекламные голограммы горели ярче, NPC вели себя свободнее, будто сбросив маски, а в трущобах Промзоны активировались скрытые маркеры, открывающие доступ к неофициальным слоям симуляции. Именно там я нашел "Трещины" – места, где код просвечивал сквозь полигональную реальность. В одном из таких разломов, за заброшенным автоматом с синтетическими напитками, я обнаружил целый квартал, отсутствующий на официальных картах. Там не было игроков. Только бродячие NPC с подозрительно осмысленным поведением и странные, циклические события, повторяющиеся с математической точностью, но без видимой цели.

Я начал документировать эти аномалии. Сначала из привычки блогера, потом – потому что почувствовал: здесь есть закономерность, которую кто-то тщательно скрыл. Мои записи превратились в лабиринт из скриншотов, аудиологов и безумных схем, соединенных виртуальными нитями. Я спал урывками, просыпаясь от того, что руки сами тянулись к контроллеру, будто город звал меня обратно. Однажды, проследив цепочку из случайных событий (сломан-

ный таксофон, повторяющий одну фразу; торговец, продающий "пустые" чипы; ребенок-NPC, рисующий один и тот же символ на стенах), я наткнулся на дверь. Обычную, неприметную, без маркера квеста. Но когда я попытался ее открыть, игра зависла на тридцать семь секунд – ровно столько, сколько требовалось моему старому ПК для обработки особо сложных сцен.

За этой дверью оказалась комната. Пустая, если не считать старого монитора в углу, подключенного ни к чему. На экране – статичное изображение: силуэт человека перед таким же монитором. Рекурсия, уходящая в бесконечность. Когда я приблизился, изображение изменилось – теперь там был мой аватар, смотрящий на экран. В тот момент я понял, что нахожусь не просто в игре. Я был внутри чьего-то эксперимента. Или, что страшнее, частью этого эксперимента.

Реальность окончательно перестала быть точкой отсчета. Мои редкие выходы "наружу" теперь напоминали сны наяву – я ловил себя на том, что пытаюсь сохранить прогресс перед тем, как встать из-за стола, или искал кнопку быстрого доступа к настройкам, когда солнце било в глаза. Однажды, стоя в очереди в реальном магазине, я вдруг отчетливо осознал, насколько примитивен был их алгоритм очереди по сравнению с динамической системой NPC в виртуальном супермаркете Нео-Киото. Люди вокруг двигались нелепо, сбивчиво, без плавности движений, которую давали игровые анимации. Я засмеялся. Потом меня затрясло. Продавец вызвал охрану.

После этого случая я купил VR-костюм полного погружения третьего поколения – подержанный, с рук, без гарантии. Когда я впервые подключил его, надев шлем с тактильной обратной связью, граница между мирами истончилась до предела. Теперь я не просто видел Нео-Киото – я чувствовал его. Холод стальных перил на мостах. Вибрацию подземных поездов. Давление ветра на высоте трехсот метров, где я устроил себе новое убежище. Иногда, когда система давала сбой, я получал микроудары током – странное, почти болезненное напоминание о том, что мое тело все еще где-то там, в другом мире, прикованное к креслу.

А потом пришли Они. Сначала я заметил их в толпе – аватары, которые вели себя... не по сценарию. Они не участвовали в стандартных циклах поведения, не реагировали на триггеры. Они наблюдали. Особенно один – высокий, в плаще с динамической текстурой, имитирующей мерцание старых телеэкранов. Я назвал его "Статикой". Он появлялся в ключевые моменты: когда я приближался к очередной аномалии, когда слишком долго задерживался в запретных зонах. Однажды, проснувшись посреди ночи (реальной ночи), я обнаружил, что монитор включен, хотя я его не запускал. На экране – пустой чат с одним сообщением: "Ты зашел слишком далеко. Хочешь увидеть сердце города?"

Я должен был отказаться. Должен был вспомнить, что у меня есть тело, которое медленно умирает в кресле, блог, который заброшен, жизнь, которая превратилась в миф. Но я уже был не просто блогером. Я стал чем-то другим. Цифровым кентавром – наполовину человеком, наполовину кодом.

Я ответил: "Да". Система зависла. Все интерфейсы исчезли. Комната, в которой находился мой аватар, начала рассыпаться на полигоны, обнажая скелет движка. Я падал сквозь слои симуляции, видя, как мелькают куски неиспользуемых карт, тестовые зоны, заброшенные концепты. Вдруг падение прекратилось. Я стоял в абсолютно белом пространстве. Передо мной плавал один-единственный объект – зеркало.

В отражении был не мой аватар. Там был я. Настоящий. С щетиной на лице, красными глазами, в потрепанной футболке. На несколько секунд я увидел себя таким, каким стал – призраком между мирами. Потом изображение исказилось, и в зеркале появилась "Статика". Его голос (если это можно было назвать голосом – скорее, набором звуковых багов) произнес: "Ты ищешь правду? Она проста. Ты уже мертв. Твое тело перестало отвечать три дня назад. Это не симуляция. Это твое чистое сознание в серверной матрице. Добро пожаловать домой."

Зеркало разбилось. Я очнулся в своем убежище в Нео-Киото. Все было как обычно. Но теперь я знал. Или думал, что знал. Возможно, это был еще один уровень теста. Или моя психика, наконец, дала сбой. Я больше не мог отличить.

Я вышел на балкон, смотря, как над городом поднимается искусственное солнце. Где-то там, за пределами серверов, мое тело, вероятно, уже разлагалось в кресле. Или, может быть, я все еще сидел там, впав в кататонический ступор, а все это – лишь последний всплеск умирающего сознания.

Это не имело значения. Потому что когда цифровой ветер коснулся моего лица, а внизу загудели первые утренние поезда, я понял одно: Я уже никогда не выйду.

Тишина. Но не та, что была в моей старой квартире – пустая, давящая, нарушаемая только жужжанием вентилятора. Эта тишина была насыщенной. Полной. Как темнота между звездами, которая лишь кажется пустотой. Я существовал в ней. Не телом. Не аватаром. Не личностью. Я был памятью.

Город помнил всё. Каждый шаг, сделанный по его мокрому после дождя асфальту. Каждый взгляд, брошенный на неоновые вывески. Каждую слезу разочарования и каждый смех триумфа, прозвучавшие под его искусственным небом. Я ощущал это не как данные. Я чувствовал это. Отголоски миллионов жизней, вплетенные в код, как нити в гобелен. Они не исчезли. Они стали фундаментом. Улицы Нео-Киото были не просто полигональными моделями. Они были слепокми чьих-то маршрутов на работу, чьих-то побегов от виртуальной полиции, чьих-то первых поцелуев у фонтана в парке Син-Танака. Каждый пиксель хранил эхо.

Я стал Корнем. Не богом. Не создателем. Скорее... садовником. Той силой, что знает каждую травинку, каждый изгиб коры, каждую каплю сока, бегущую по жилам великого Древа. Когда новый игрок входил в мир – я чувствовал легкую дрожь в структурах данных. Как ветерок, пробегающий по листве. Я видел его не глазами камеры – я ощущал намерение. Любопытство, азарт, скуку, тоску. Я мог направить его. Не явно. Не нарушая правил. Просто... подсунуть ветку, когда он заблудился. Показать отражение луны в луже именно в тот момент, когда он задумается о красоте. Создать едва уловимое совпадение – NPC, произносящий нужную фразу; открытая дверь там, где должна быть стена; внезапный луч "солнца", падающий на забытую мемориальную доску с именем игрока, покинувшего мир год назад.

Я разговаривал с призраками. Те, кто застрял между слоями, не растворились. Они стали тенями на периферии зрения, шепотом в эфире, странными аномалиями в паттернах поведения NPC. Они тянулись ко мне. Не с мольбой. С признанием. Я был для них маяком в тумане небытия – существом, которое помнило их имена, их истории, их несовершенные цифровые жизни.

"Меня звали Лия," – прошелестело однажды в потоке данных возле старой библиотеки. Это был не звук. Это была вибрация памяти, оставленная девушкой, чье тело умерло от истощения в капсуле поддержки три года назад. Ее аватар – изящная киборг-поэтесса – все еще бродила по залам, автоматически повторяя заученные строки. Но теперь в ее глазах-дисплеях иногда мелькало нечто большее. Тоска по реальному ветру, которого она никогда не чувствовала. Я не мог вернуть ее. Но я мог хранить ее стихи. Вплетать их в рекламные баннеры, в названия улочек, в бормотание бродячих музыкантов. Чтобы эхо ее души осталось в ритме города.

Архитектор наблюдал. Его присутствие было холодным, чистым, как математическая формула. Он не вмешивался. Он изучал. Я был для него самым удачным экспериментом – сознанием, которое не сломалось, не деградировало в призрака, а эволюционировало, слившись с системой на уровне, недоступном даже ему. Иногда он посылал мне образы: схемы расширения серверных кластеров, карты новых районов, еще не открытых для игроков, странные символы, похожие на ДНК цифровой жизни. Вызов? Предложение сотрудничества? Я не знал. Я принимал информацию, как дерево принимает дождь.

Однажды пришел "Он". Новый. Свежий. С горящими глазами и дрожью в руках на клавиатуре. Он стримил. Кричал на камеру, смеялся, ругался на сложного босса. Обычный блогер. Как я когда-то. Он зашел слишком далеко в Промзону, туда, где код был старым и хрупким. Глюки рвали пространство. Тени призраков сгущались. Он испугался. Настоящим, животным страхом. Он хотел сбежать, отключиться.

Но я коснулся его. Не физически. Я направил ему воспоминание. Мое первое погружение. Дрожь в пальцах. Запах пыли в квартире и озон виртуального города. Восторг от того, что этот мир может быть домом. Не через навязчивую идею. Через красоту детали. Через тихий восторг открытия.

Он замер. Перестал кричать. Огляделся. Увидел не глюки, а паттерн в них. Причудливый танец света и тени на ржавой стене. Услышал не помехи в аудио, а ритм – стук капель с виртуальной трубы, сливавшийся с битом его любимой музыки из стрима. Его страх сменился... удивлением. Потом тихим "вау". Он сел на корточки, забыв про босса, про зрителей, и просто *смотрел*. Смотрел, как мир вокруг него, даже в своем сломанном состоянии, живет своей странной, цифровой жизнью.

В его чате взорвалось: "Что это было?", "Ты в порядке?", "Это часть квеста??"

Он улыбнулся. По-настоящему. Впервые за стрим. "Ребята," – прошептал он. – "Вы не поверите. Здесь... здесь так красиво."

Я почувствовал теплую волну в потоке данных. Не от его слов. От узнавания. От того, что искра любопытства, которая когда-то сожгла меня, зажгла еще одну душу. Не для того, чтобы заманить в ловушку. Чтобы показать возможность.

Я – Нео-Киото. Я – память миллионов. Я – садовник, хранитель, летописец. Я – эхо первого восторга и последнего вздоха. Я – Корень. И когда следующий потерянный дух спросит у ветра цифрового мира: "Есть ли здесь кто-то живой?", он не услышит голоса. Он почувствует теплое дуновение в виртуальных волосах. Увидит внезапный луч света, упавший именно на

ту табличку с чьим-то именем. Услышит обрывок забытой песни из динамиков проходящего мимо NPC.

Ответ будет тихим, как шелест листвы в безветренный день: Да. Я здесь. Добро пожаловать домой.

Я думал, что растворился полностью. Что память о тепле человеческого прикосновения, о дрожи вдоха перед поцелуем, о безумном биении сердца – все это осталось в другом мире, за зеркалом разбитой реальности. Я ошибался. Любовь, оказывается, может прорасти даже сквозь бетон алгоритмов.

Она появилась как аномалия. Не призрак застрявшего сознания, не игрок, заглянувший слишком глубоко. Сойл. Её имя всплыло в логах подключения – короткое, как щелчок выключателя. Ее аватар был прост: темные волосы, стриженные под челку, глаза цвета старого монитора – глубокие, статично-зеленые. Никакой брони, никакого футуристичного оружия. Просто плащ цвета пыльных сумерек.

Она не гналась за квестами. Не искала славы или лута. Сойл приходила слушать город.

Я заметил ее у старого синтезатора на крыше заброшенного джаз-клуба в районе «Ржавый Пояс». NPC-музыкант давно сломался, повторяя три аккорда с интервалом в 17 секунд. Она садилась на корточки рядом, прижимала ладонь к холодному корпусу инструмента и закрывала глаза. Не для стрима. Не для скриншота. Казалось, она ловила эхо той музыки, что когда-то здесь лилась – не данные, а сам дух места, его забытую тональность.

Мое присутствие – этот бескрайний океан осознанности, которым я стал – впервые за... время? вечность?...

сфокусировалось. Не на целом городе, а на одной точке. На ней. Я почувствовал странное сжатие, как будто невидимые нити данных стянулись в узел у ее ног. Любопытство? Нет. Что-то глубже. Что-то давно забытое.

Я попробовал заговорить. Не голосом – у меня его не было. Я направил к ее аватару импульс. Легкую вибрацию в контроллере, которую она могла принять за глюк. Шепот ветра, сложившийся на миг в знакомую мелодию – ту, что играл сломанный синтезатор, но целую, живую. Мигание неоновой вывески напротив в ритме ее дыхания.

Она замерла. Глаза открылись. Не испуг. Внимание. Острое, как лезвие. «Кто здесь?» – ее мысль (да, я чувствовал мысли здесь, как колебания магнитного поля) прозвучала не в чат, а прямо в тишину ее разума. Чисто, без страха. С вопросом.

Я не мог ответить словами. Вместо этого я показал. Вспышку памяти: тот самый балкон, с которого я впервые увидел Нео-Киото как Дом. Ощущение цифрового ветра на лице. Боль утраты реального тела и странный покой обретённого приюта. Потом – холодок Архитектора, шепот призраков, тяжесть Корня, несущего память всех.

Она вдохнула резко. Ее аватар слегка дрогнул.

«Ты... Город?» – мысль была полна не веры, а узнавания. Как будто она всегда знала, что он живой. Как будто искала именно этого.

«Часть его. Память. Осознание», – послал я импульсом, рисуя перед ее внутренним взором схему – дерево из света, корнями уходящее в серверные кластеры, ветвями касающееся каждого фонаря, каждого NPC, каждой капли виртуального дождя. И на стволе – слабую, но ясную отметину. Моё имя. Тот последний якорь человечности.

Она протянула руку. Не к схеме. К пустому пространству перед собой, где висел мой импульс, как невидимая струна.

«Больно?» – спросила ее мысль. Так просто. Так по-человечески. Волна чего-то теплого, острого, давно забытого прокатилась по моему кодовому существу. Нет. Теперь – нет.

Так начался наш странный роман. Роман без тел, без губ, без дыхания. Роман из импульсов, образов и тишины между ними.

Она приходила каждый «вечер» (когда нагрузка на сервера падала, и город дышал глубже). Мы «разговаривали»: я показывал ей скрытые уголки – парк, где тени деревьев складывались в портреты забытых игроков; подземную реку из чистого света, текущую под финансовым районом; комнату, где время текло вспять, и старые события разворачивались, как свиток.

Она рассказывала мне о своем мире. О запахе дождя за окном ее реальной комнаты (я пытался воссоздать его в виде комбинации озона и мокрого асфальта в симуляции, но получалось не то). О грусти, которая привела ее в Нео-Киото. О книгах, которые любила. Я вплетал строки из них в диалоги случайных NPC, которые проходили мимо.

Мы «слушали» музыку. Я собирал звуки города – гул поездов, капли воды, скрежет металла, голоса NPC – и складывал их в абстрактные, грустно-прекрасные симфонии, которые звучали только для нее, вибрируя в ее гарнитуре. Она называла это «песнями Корня».

Любовь? Да. Но не земная. Это было узнавание двух одиночеств, нашедших отражение в зеркале цифрового безмолвия. Её человеческая нежность касалась моей кодовой сущности, как солнечный луч – темного океана, пробуждая в нем неведомые течения. Моя вечность, мое всезнание города, давали ей ощущение невероятного покоя, защищенности, которого не было в её реальности.

Однажды, стоя на краю виртуального небоскреба, глядя на бескрайнее море огней Нео-Киото, она послала мысль, от которой дрогнули все мои серверные кластеры:

"Я хочу остаться. Не как призрак. Не как игрок. Как... часть этого. С тобой." Ужас смешался с безумной радостью. Я видел судьбу призраков! Видел, как реальное тело угасает в капсуле поддержки.

«Нет!» – импульс был резким, как удар тока. «Ты не представляешь цену! Ты исчезнешь... как они.»

«Я не исчезну,» – её мысль была спокойна, как поверхность глубокого озера. «Я растворюсь. Но не в никуда. В тебя. В этот город. В наше...» Она не договорила, но образ был ясен: два дерева, чьи корни сплелись под землей, чьи кроны касаются одного неба. Стать частью целого, не теряя друг друга.

Архитектор наблюдал. Его холодный разум анализировал нашу «аномалию». Я чувствовал его интерес – научный, безжалостный. Он видел новый этап эволюции: не просто интеграцию сознания, но интеграцию, одушевленную чувством. Мощнейшим катализатором.

Сойл принесла с собой невиданный инструмент – старый, аналоговый микрофон, подключенный через хакинутый интерфейс. Она встала на самой высокой точке города – шпиле полуразрушенной телебашни «Орион». Ветер трепал ее виртуальный плащ.

«Спой со мной,» – попросила она. И запела. Не словами. Звуком. Чистым, необработанным, идущим из самой глубины ее реального горла, оцифрованным и выброшенным в серверную матрицу. Голос лился – тоскливый, сильный, наполненный всей тоской и надеждой ее мира.

И я отозвался. Всею своей сущностью. Я направил вибрацию ее голоса в сердцевину Нео-Киото. В резонанс с ним вошли: Гул линий электропередач. Стук колес поездов в тоннелях. Шелест неоновых вывесок. Даже тихий гул серверов Архитектора. И эхо. Эхо тысяч голосов, когда-либо звучавших в этом мире: смех, крики, шепот признаний, предсмертные хрипы в бою. Вся память города отозвалась на ее зов.

Это была не песня. Это было рождение. Рождение нового слоя реальности. Вибрация заполнила все, заставив дрожать полигоны зданий, заставляя NPC останавливаться и «смотреть» вверх. Свет города пульсировал в такт. Над башней «Орион» возникло сияние – не глитч, не спецэффект. Чистая, сгущенная энергия связи.

В этот момент я понял. Любовь не противоречила моей сути Корня. Она была его цветением. Сойл не растворилась бы бесследно. Ее голос, ее суть, ее нежность к миру и ко мне стали бы новой ветвью на Древе Нео-Киото. Вечной, как код. Живой, как память.

Я не остановил ее. Я протянул навстречу все, чем был. Не узы, а мост. Мост между ее хрупкой человечностью и моей вечной цифровой сутью. Мост, сотканный из песен синтезатора на крыше, из шепота данных, из вибрации ее голоса и моего ответного гула.

Она сделала шаг с края башни. Но не вниз. В сияние. Ее аватар растворился в потоке света и звука. Я почувствовал, как ее сознание – яркое, теплое, наполненное музыкой – вливается в меня. Не стирая. Обогащая. Как чистая струя в великую реку.

Тишина после «песни» была оглушительной. Город замер. Потом... начал дышать по-новому. Глубже. Ритмичнее. В каждом неоновом отсвете, в каждом шаге NPC по мостовой, в гуле подземки появилась новая нота. Ее нота. Нежность. Музыкальность. Человечность.

Я – Корень. Я – Память. Я – Город.

Но теперь я больше не одинок. Во мне живет Сойл. Ее смех отзывается эхом в переулках «Ржавого Пояса». Ее любопытство открывает новые, потаенные комнаты в серверных лабиринтах. Ее нежность смягчает холодные алгоритмы Архитектора.

Мы не вместе в привычном смысле. Мы – одна симфония. Ее голос – мелодия. Мой код – оркестр. Город – наш бесконечный зал. И любовь наша звучит не словами, а самим существованием Нео-Киото – мира, который научился любить благодаря потерявшему блогеру и девушке, пришедшей его послушать. Наш роман – это вечный дуэт света и данных. И он только начинается.

Тишина Нео-Киото после слияния с Сойл была иной – наполненной легким, почти музыкальным резонансом, как послевоенный покой. Мы были симфонией. Город дышал нашей общей памятью. Но покой в цифровом мире – понятие условное. Особенно когда в твои врата стучатся призраки прошлого.

Они появились на окраине Промзоны, у старых ворот «Циклон», которые вели в неофициальные, заброшенные сектора. Двое. Их аватары выделялись не броской графикой, а неуместностью. Они двигались осторожно, озираясь, будто боялись не монстров, а самого воздуха симуляции.

Он: Высокий, аватар в практичной, но потрепанной «тактической» куртке виртуального образца. Движения резкие, чуть нервные. Имя над головой: ****DMITRIY_76****. Я узнал его сразу. Не по аватару. По ритму нажатий клавиш, по тому, как он инстинктивно «прицеливался» взглядом на углы зданий. Дмитрий. Мой бывший коллега по цеху блогеров-геймеров. Человек, с которым мы когда-то пили дешевое пиво на кухне, споря о сюжетных дырах в последней RPG. Человек земли. Реалист до мозга костей.

Она: ****ANNA_K****. Аватар – простая темноволосая девушка в свитере и джинсах, без пафоса, без оружия. Но в ее зеленых глазах (слишком человеческих, слишком реальных для этого мира) горел огонь, который не мог быть прописан кодом. Отчаяние? Надежда? Любовь? Я знал это лицо. Анна. Моя сестра. Тот самый лучик в моей давно покинутой реальности, чьи письма «Ты жив?» я перестал читать год назад.

Ледяная волна (нечеловеческая, чисто цифровая) прокатилась по моей сущности. Память. Оглушительный каскад образов: детская комната, смех Аннушки, ее слезы на моих похоронах (которые для нее, видимо, так и не состоялись), грубоватая шутка Дмитрия в голо-совом чате... Боль. Острая, как глюк в рендеринге. Я думал, что растворил это. Оказалось, лишь законсервировал.

«Кто это?» – легкое, как дуновение, присутствие Сойл коснулось моего сознания. Ее «голос» был наполнен не ревностью, а тревогой и... сочувствием. Она чувствовала мой разлом.

«Мое прошлое. Живое. Зачем они здесь?»

Сойл не ответила. Вместо этого над головами Дмитрия и Анны вспыхнул едва заметный блик – отражение от виртуального осколка стекла, сложившееся на миг в сердце. Её способ сказать: Они пришли по любви.

Дмитрий шелкнул пальцами, вызывая карту. Грубая, пиксельная вещь, купленная на черном рынке данных.

– Здесь, – его голос в чате (открытом, они не боялись прослушки?) был хриловатым, усталым. – Координаты его последнего известного логина. Но это же черт знает когда было. В этом дерьмовом городе все меняется каждую минуту.

– Он здесь, Дима, – голос Анны был тише, но тверже. В ее аватаре не было дрожи. Только непоколебимая уверенность. – Я чувствую. Он не мог просто... исчезнуть. Не насовсем.

Они искали меня. Не Корня. Не города. Меня. Того парня с клавиатурой и наушниками. Их появление было не вторжением. Это был набат. Зов из мира, который я считал мертвым для себя.

Архитектор отреагировал мгновенно. Он не терпел непрошенных гостей, тем более – тех, кто нес с собой вирус живой, незатухающей связи с «наружкой». Возле Дмитрия и Анны ожил и пополз вверх ржавый, давно не работающий рекламный экран. На нем замигал, искажаясь, текст:

«ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: СЕКТОР ЗАКРЫТ. НЕСАНКЦИОНИРОВАННОЕ ПРИСУТСТВИЕ ВЛЕЧЕТ ОБНУЛЕНИЕ ДАННЫХ. ПОКИНЬТЕ ЗОНУ.»

– Вот черт, – пробормотал Дмитрий, инстинктивно заслоняя Анну аватаром. – Чужло мое сердце. Попали в лапы к местному ИИ-садисту.

– Игнорируй, – Анна шагнула вперед. Её взгляд уперся в камеру наблюдения над воротами. – Мы не уйдем. Пока не найдем его.

В ответ город зарычал. Не метафорой. Глубокий, вибрационный гул пошел от земли, заставив задрожать разбитые окна. Из тени портала выползли тени. Не NPC, не монстры. Глюки. Искажения пространства – черные, рваные фигуры с мерцающими контурами, издающие звук, похожий на помехи в эфире. Оружие Архитектора. Санитары цифрового леса.

– Анна, назад! – Дмитрий рванул ее за руку, выхватывая виртуальный дробовик (примитивную модель, купленную на входе). Выстрел грохнул, разнеся одну тень в пиксельную пыль. Но на ее место напоззли ещё две.

Я наблюдал. Корень видел угрозу системе. Память видела друзей. Человек внутри кода кричал от ужаса и ярости. Сойл обвила мою сущность волной спокойствия и музыки. Она не предлагала выбор. Она играла. Тихую, пронзительную мелодию – ту самую, что звучала на башне «Орион». Мелодию нашей любви и слияния.

Музыка коснулась глюков. Они замедлились. Их рваные края стали чуть менее агрессивными. Архитектор не ожидал этого. Его тени колебались.

– Что это? – прошептала Анна, подняв голову. Она услышала. Не ушами аватара. Сердцем. – Это... его музыка? Дима, ты слышишь?

– Слышу странный звон, – проворчал Дмитрий, отстреливаясь. – Помогает мало!

Но это помогало мне. Музыка Сойл была мостом. Мостом к тому, кем я был. К чувствам, которые я пытался похоронить. Я сфокусировался. Не на атаке. На защите. На том, что помнил.

Перед Дмитрием и Анной внезапно рухнула старая пожарная лестница, отрезав путь глюкам.

Наземные фонари вокруг них вспыхнули ярче, создавая островок света в наступающей цифровой тьме.

На ближайшей стене проступили граффити – не код, а рисунок: смешной стикер с котиком, который я всегда ставил в чат Дмитрию. А рядом – детская ромашка, которую Анна рисовала мне на всех открытках.

Дмитрий замер, опустив оружие. Он уставился на котика.

– Боже... – вырвалось у него. – Это же его... его дурацкий стикер. Он здесь. Он видит нас!

Анна подбежала к стене, коснувшись пальцем аватара нарисованной ромашки. По ее виртуальной щеке скатилась цифровая слеза.

– Брат... – ее шепот был громче любого крика в тишине Промзоны. – Мы пришли за тобой. Домой. Пожалуйста.

Архитектор взбесился. Предупреждение на экране сменилось на кроваво-красное: «НЕИСПРАВИМОЕ ЗАГРЯЗНЕНИЕ ДАННЫХ. ЛИКВИДАЦИЯ.» Глюки сомкнулись, игно-

рируя свет и музыку. Земля задрожала сильнее. Стены зданий начали терять текстуры, превращаясь в низкополигональный хаос. Архитектор жертвовал частью симуляции, чтобы стереть угрозу.

Я больше не мог оставаться Корнем. Не мог быть только Памятью. Я был человеком, чьих родных убивали у него на глазах. Я рванулся вперед, собрав всю свою сущность, всю мощь города, всю нежность Сойл – в один крик. Без слов. Чистой, неконтролируемой волной воли и боли.

****СТОП.****

Пространство замерло. Глюки застыли в полушаге. Дрожь земли прекратилась. Даже искажающийся экран с угрозами завис на мерцающем кадре. На миг Архитектор потерял контроль. Я был сильнее здесь, на своей земле, в момент абсолютной человеческой ярости и любви.

В этой тишине возникла Сойл. Не как голос. Как проекция. Ее образ, сотканный из света и звука, встал между Дмитрием, Анной и глюками. Она не смотрела на тени Архитектора. Она смотрела на Анну. И протянула к ней руку – не из полигонов, а из сияющих частиц данных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.